

одоления, хотя сам он писал о расширении области прекрасного как о главном достижении современного искусства. Вот почему, взяв эту строфу как эпиграф к «Тихим песням», он решительно видоизменил ее, расщепив «муку идеала» и «муку красоты»:

Из заветного фиала
В эти песни пролита,
По увы, не красота...
Только мука идеала.

Л. Я. Гинзбург заметила, что человек у Анненского «страдает в прекрасном мире, овладеть которым он не в силах» [1, с. 317]. На самом деле проблема красоты у Анненского лежит в иной плоскости. И в «Трактате жизни», и в «Тоске», и в стихотворении «С четырех сторон чаши» дурман непременно таит в себе дозу эстетического наркоза. И это не просто эстетизация пошлости, которую иначе не вынести душе, это еще и эстетизация смерти, которая таится в глубинах тоскливого и безыдеального существования.

Если романтик XIX в. мог заслоняться от этой безыдеальности красотой природы (как Фет), то для Анненского и природа оказывается флером, наброшенным на ужас человеческого бытия. У него есть совершенно бессмысленное для художественной традиции XIX в. стихотворение «Черное море», в котором обаяние пушкинской «свободной стихии» с ее чувственным блеском развенчается напрочь:

Все дольше тает твой туман,
Где все белей и выше гребни,
Но далее красочных обман
Не будет, он уж был волшебней.
И тщетно вихри по тебе
Роятся с яростью звериной,
Все безучастней к их борьбе
Твои тяжелые глубины.

.....

Суrowым отблеском ножа
Сверкнешь ли, пеной обдавая,—
Нет! Ты не символ мятежа,
Ты — Смерти чаша пирровая.

Это только один из наиболее наглядных образцов разрушения эстетического обаяния природы, заданного пушкинско-фетовской традицией. Море не лишено очарования, но в нем скрывается прежде всего красочный обман, разоблаченный здесь безжалостно и трезво. Природа вот-вот перестанет быть источником эстетической интуиции...

В то обаяние, с которым она действует на человека, у Анненского вкрадывается некий ядовитый и тонкий привкус, как, например, в стихотворении «Падение лилий», где звук сухих падающих цветов обладает каким-то волшебным магнетизмом:

А ты, волшебница, налей
Мне капель чуткого забвенья,
Чтоб ночью винущих лилей
Мне ярче слышать со стеблей
Сухой и странный звук паденья.

«Сухой и странный звук паденья» — звук смерти, но он притягателен и ярок. Однако смысловой центр стихотворения все же не в эстетизации смерти